

Теодор Шанин
(29.10.1930, Вильно — 04.02.2020, Москва)

Вспоминая Теодора Шанина

Владимир Валентинович Бабашкин, доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, *пр-т* Вернадского, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

Валерий Георгиевич Виноградский, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vgrape47@yandex.ru

Виктор Викторович Кондрашин, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра экономической истории Института российской истории РАН. 117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19. E-mail: vikont37@yandex.ru

Оксана Валентиновна Горовенко (Рыжанкова), кандидат экономических наук, доцент кафедры международного бизнеса Белорусского государственного экономического университета. 220070, Республика Беларусь, г. Минск, пр-т. Партизанский, 26. E-mail: gorovenko@inbox.ru

Ольга Петровна Фадеева, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН. 630090, Новосибирск, пр-т Лаврентьева, 17. E-mail: Fadeeva_ol@mail.ru

Илья Ефимович Штейнберг, кандидат философских наук, доцент Московского государственного психолого-педагогического университета. 127051, Москва, ул. Сретенка, д. 29. E-mail: ilya.shteynberg@gmail.com

Этот текст — дань памяти крестьяноведов своему учителю и дорогому коллеге Теодору Шанину (29.10.1930 — 04.102.2020) — выдающемуся британскому социологу, одному из основателей мирового и российского междисциплинарного направления исследования сельской жизни — крестьяноведения, почетному профессору Манчестерского университета, основателю и президенту Московской высшей школы социальных и экономических наук (Шанинки), почетному редактору журнала «Крестьяноведение».

В основу текста положены личностные воспоминания социологов и историков О. Фадеевой, В. Виноградского, В. Кондрашина, В. Бабашкина, О. Горовенко и И. Штейнберга о знакомстве, общении, работе с Теодором Шаниным.

В воспоминаниях, прежде всего, подробно описывается становление и развитие первого шанинского социологического проекта «Социальная структура советского (пост-советского) села» (1990–1994 гг.), приводятся примеры особенностей исследовательской методологии, полевой работы, реализованных и нереализованных крестьяноведческих замыслов Шанина и его коллег. Дается оценка интеллектуального и личностного значения наследия Теодора Шанина на понимание дальнейших исследовательских задач, стоящих перед современным крестьяноведением.

Особое место в воспоминаниях уделяется Теодору Шанину не только как талантливому организатору научных проектов, крупному методологу-теоретику социальных наук, но также как замечательному исследователю-полевику, и, наконец, великолепному лектору-педагогу.

На каждой странице этих воспоминаний запечатлено также восхищение человеческими достоинствами Теодора Шанина, — его любознательностью, наблюдательностью, сопереживанием, и, наконец, волей не только к интеллектуальному постижению, но и гуманистическому преображению человеческого общества.

Ключевые слова: Теодор Шанин, крестьяноведение, историческая социология, экономическая социология, антропология, полевые исследования, качественные методы, сельская России

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-1-172-195

«Улыбка Теодора»

Ольга Фадеева

Мне довелось лично познакомиться с Теодором ещё до начала нашего крестьяноведческого проекта. Весной 1989 года в Академгородке, в квартире Инны Владимировны Рывкиной состоялась встреча сотрудников отдела социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства АН СССР с приезжим английским профессором, который задумал нечто вроде летней школы-ликбеза для молодых советских социологов в Манчестере. Татьяна Ивановна Заславская, к тому времени уже покинувшая наш институт и возглавившая ВЦИОМ, была в курсе этой затеи. Благодаря её усилиям и стала возможной эта неформальная встреча будущих слушателей школы с её директором — Теодором. Для меня, как думаю и других членов «новосибирской фракции» первой манчестерской школы (а вместе со мной в июне 1989 года в Англию поехали Ольга Бессонова и Марина Шабанова), сама возможность такого обучения представлялась тогда какой-то ненаучной фантастикой. И хотя в дальнейшем стремительные политические изменения в стране превратили обучение за рубежом и международные исследовательские проекты во что-то обычное и почти рутинное, Теодор в то время казался нам добрым волшебником, открывшим ранее недоступный мир.

Не в меньшей степени неожиданным стало предложение Теодора принять участие в историко-социологическом проекте изучения советской, а потом (как неожиданно всё переиначило время) и российской (постсоветской) деревни. Это случилось уже в Англии на нашей внеурочной встрече где-то посередине трехмесячной образовательной программы, включавшей несколько лекционных курсов от самых лучших британских и американских профессоров, дополняемых занятиями с тьюторами на знаменитых английских газонах и — опять же не без деятельного участия Теодора — разнообразными вариантами досуга. Именно благодаря его любви к театру двадцати молодым советским социологам удалось окунуться

в яркий калейдоскоп событий Эдинбургского театрального фестиваля, побывать в Королевском шекспировском театре в Стратфорд-апон-Эйвон и в других не менее известных уголках Англии. Сейчас я понимаю, что та манчестерская школа была, по сути дела, прообразом Шанинки, организованной впоследствии в Москве.

Почему-то английская пресса, которую Теодор как искушённый пиар-менеджер привлёк для освещения работы своей школы, называла нас, её выпускников, «потерянным поколением», намекая на то, что СССР стремительно меняется — и мы, выросшие при социализме, затеряемся в новом мире. Наверное, в отношении молодых людей это сравнение звучало не совсем корректно. Удивительно другое — то, что мне, имевшей совсем небольшой опыт участия в сельских экспедициях в Сибири, Теодор предложил включиться в амбициозный международный проект, направленный на изучение малоизвестных страниц из жизни «великого незнакомца» — советского крестьянина. Задуманное Теодором историко-социологическое исследование требовало буквально антропологического погружения в сельскую реальность. Он нацеливал нас на то, чтобы услышать «крестьянское многоголосие» и напрямую задавать сельским жителям вопросы об устройстве их быта, об истории их жизни, жизни их рода и жизни односельчан. Помню, Теодор тогда сказал, что его не до конца устраивает подход к работе советских коллег. На его взгляд, учёные-горожане непростительно мало задерживаются в «социологическом поле» и слабо интересуются реальной жизнью крестьян: заполнив свои анкеты, они стремительно покидают село — оставляя после себя только шлейф пыли от отъезжающего автобуса в качестве единственного свидетельства об их скоротечной экспедиции.

В тот момент идеи Теодора прозвучали для меня увлекательно, но слегка авантюристично: «А что, если сделать так, чтобы исследователи не просто на миг заезжали в село с анкетами, а оставались там жить на какое-то время, «приучали» к себе окружающих — и постепенно узнавали историю этих мест и семейных кланов, научились бы считывать оставленные временем зазубрины об истории села и местной власти, смогли бы собрать живые воспоминания о жизни дореволюционной и революционной деревни, расспросить сельчан о том, как проходила коллективизация, раскулачивание в их селах, как жила деревня во время войны, чем запомнились хрущевские и другие реформы? А что если попытаться возродить методы работы А.В. Чаянова и его коллег и восстановить методику динамических и бюджетных исследований? А что если...?»

Теодор умел не только мечтать, но и воплощать самые невероятные прожекты в жизнь. Уже в октябре 1990 года как будто из ниоткуда возник крестьяноведческий отряд Теодора, в который подобрались люди самых разных специальностей (философы, психологи, экономисты, историки, архитекторы, социологи и др.) с разным ис-

следовательским бэкграундом из многих регионов и республик тогда еще не рассыпавшегося Советского Союза. Теодору и его советникам-друзьям проекта было важно уловить не только временное, но и пространственное многообразие крестьянских миров, перекинуть мосты между разными пластами жизни сельских поселений, увязав в одно целое архивные изыскания команды историков под предводительством Виктора Петровича Данилова и материалы «полевых» крестьяноведов. Поэтому замах выборки оказался немалым. В результате до сих пор в наших архивах хранятся социологические, исторические и статистические материалы, собранные в селах Сибири, Урала, Поволжья, центрально-черноземных, южно- и североевропейских регионов России, советской Белоруссии, Армении и республик Средней Азии.

Вспоминая необычайно яркие мгновения пятнадцати лет (с 1990 по 2005 год), в которые уложились три раунда проектов исследования трансформирующейся сельской России, поражаешься энергии и убежденности Теодора. Он заразил нас не только страстным исследовательским интересом к работе в не самых простых условиях (а на это время пришлись и развал СССР, и болезненный слом колхозно-совхозной системы, и тяжелейшие экономические и политические кризисы), но и внушил уверенность в своих силах, так необходимую для самостоятельной и успешной работы в непривычной и не всегда дружественной среде. Это помогало быстро приобретать профессиональный опыт интервьюера и легко адаптироваться к меняющейся ситуации. Полевыми исследованиями истории советского крестьянства мы не ограничились. Скоро стало понятно, что нам суждено стать не просто летописцами прошлого времени, но и свидетелями нового эпохального перехода от коллективно-колхозной к фермерско-предпринимательской организации сельской жизни с последующими конфликтами приватизации, разрушением складывающегося десятилетиями жизненного уклада, заменой планового начала на неформальные практики. Работа в сёлах дала умение находить язык с самыми разными людьми, независимо от их статуса и властных полномочий, дорожить доверием и расположением к себе наших респондентов. Теодор искусно вплетал в наши встречи-заседания после квартального исследовательского цикла, чтобы смягчить наш профессиональный разнобой, разные мини-лекции. Ненавязчиво, но настойчиво он обращал внимание на этические принципы работы полевого исследователя, призывал неизменно следовать правилу «Не навреди тому, кто тебе открылся!». Мы осваивали методы коллективной работы в большом и разнородном исследовательском коллективе, в которой главное — умение слушать, слышать и уважать мнение другого. За многими нашими уже вполне казалось бы самостоятельными идеями, концепциями и научными открытиями стояла школа Теодора, который как мудрый учитель лишь изредка подсказывал ученикам направление, в котором стоит двигаться.

Он никогда не навязывал какого-то нового инструментария или методики работы, всё это в конечном счёте становилось плодом коллективного труда под патронажем кого-то из членов команды. Новые исследовательские вопросы и обобщения рождались в длительных дискуссиях и разговорах вокруг «длинного стола», к которому всегда можно было подставить дополнительный стул, чтобы посадить на него нового участника (в одной из своих публикаций известный журналист Отто Лацис, также один из друзей Проекта, назвал нашу команду «Рыцари длинного стола»). Теодор был великолепным модератором и другом каждому из нас, которому удалось не только «сколотить банду», но и создать настоящую семью, в которой ему самому было комфортно и по-домашнему тепло находиться.

Приветливая улыбка Теодора, его дружеский смех и совсем не британское чувство юмора неизменно сопровождали меня все 30 лет истории нашего знакомства — и это то, личное, что не передашь ни в научных текстах, ни в классических мемуарах. Это то, что остаётся в памяти всерьёз и надолго.

«Он создал и взрастил — и меня, и многих моих крестьяноведческих коллег»

Валерий Виноградский

Мне и моим коллегам посчастливилось быть участниками легендарного Первого крестьяноведческого проекта Теодора Шанина 1990–1994 годов, который остается не превзойденным до сих пор опытом долговременного и максимально плотного вхождения полевых социологов в русскую глубинку. Мы безвыездно жили в деревнях, ежедневно входили в избы, сидели на завалинках, расспрашивали стариков и записывали их нескончаемые повести о деревенских трудах и днях.

Летом 1992 года в поволжскую деревню Лох, где я вместе с семьей обосновался ради полного включения в жизнь этой старинной деревни — купил домик, развел кур, вспахал огород, — приехал Теодор Шанин. В те времена визит иностранца-профессора в деревню был подлинным экстра-событием. Местные власти даже отрядили милицейский «козлик», чтобы сопроводить небывалого гостя от райцентра до моей избы на отдаленном от основной деревни хуторе Суходолка.

Дорога шла мимо местной пекарни, где я несколько стартовых экспедиционных месяцев проработал подсобником, выбивая горячие буханки из форм и выкладывая их на поддоны. Это была, в сущности, некая спецоперация моего нетравматического внедрения в социологическое поле — вся деревня, приходя с утра за све-

жим хлебом, тотчас начинала расспрашивать пекарей: «а это кто?», «а это чей?», но постепенно привыкла ко мне. И успокоилась: «Он, мол, истории собирает. Ну и ладно...»

Пользуясь дружеской приязнью, я попросил пекарей задержать на пару часов обычно раннеутреннюю процедуру высаживания хлебов — уж очень хотелось угостить Теодора еще не остывшей, дышащей натуральным теплом, телесной материей хлеба, взращенного на соседнем пшеничном поле и смолотого на местной мельнице. Хлеба именно из ситной, а не размольной муки — но кто сейчас понимает эту разницу?..

И вот я вынес на руках, как носят колотые поленья, четыре золотистых буханки — с румяной, цвета пенки топленого молока, вытянуто-полусферической коркой. Аккуратно, чтобы не смять, сел в машину позади Теодора — пора ехать к дому. Увидев соломенное свечение и учуяв сытный хлебный аромат, британский профессор повернулся и молча, с бережной жадностью обнял и прислонил к груди увесистое крестьянское изделие. Так и не выпустил его из рук до конца недлинной проселочной дороги...

Спустя несколько минут, умывшись с дороги, мы уже сидели за столом. Мои малолетние сыновья необычно серьезными глазами разглядывали крупную фигуру Теодора. А тот, видимо, сильно проголодавшись в трехчасовой поездке от железнодорожного вокзала в Саратове, аккуратно и как-то неопытно разламывал и сосредоточенно, без улыбки, не глядя по сторонам, поглощал — сперва белоснежную слоистую хлебную мякоть, а потом и вязкую, требующую довольно мощного кусания, чуть не сантиметровой толщины, поблескивающую корку. Стеклянная банка прохладного утреннего молока была ополовинена Теодором в одиночку (помнится, он бережно наклонял банку над кружкой, опасаясь пролить хоть каплю). От почти двухкилограммовой буханки осталась небольшая хвостовая часть. Теодор — это было видно — заметно утомился от самого процесса этой простой, но требующей усилий, трапезы. Поставил локти на стол и подпер голову ладонями, прикрыл глаза — поза задумчивости и телесного покоя.

Потом мы перешли из кухни в переднюю избу, и я предложил Теодору отдохнуть. Он улегся на высокую металлическую кровать и тотчас, как нагулявшийся и сытый ребенок, уснул — на боку, подложив руку под щеку. Все мы вышли во двор и не тревожили его. Примерно через час он поднялся, встал перед тюлевой оконной занавеской, вгляделся в заоконный полевой пейзаж и медленно, грустно произнес: «Я хотел бы здесь остаться. Хоть ненадолго...» А потом, после долгой паузы, добавил: «Вам повезло, коллеги, — вы здесь прикасаетесь к жизни напрямую...» Опять пауза: «Но я ведь тоже не в стороне — смог все-таки завертеть всю эту экспедиционную историю». — «Да уж, Теодор, Вы прямо как тот персонаж из «Анчара» — «и человека человек послал в деревню властным взглядом...». — «Нет, не только взглядом! Словом! Словом — по-

мните, как все мы вместе горячо мечтали и обсуждали наши планы за длинным столом?..»

Заблестели его выразительные глаза, Теодор развернул плечи, приободрился и громко, победительно захохотал. Мало кто умел так открыто, простодушно смеяться.

Потом мы отправились знакомиться с нашими крестьянскими информантами, потом, с визитом вежливости, посетили местное деревенское начальство, с некоторым смущением уклонившееся от продолжительного общения с британским профессором. Потом, уже ближе к закату, мы проводили Теодора в Саратов. А сами остались в деревне. Остались потому, что программа Крестьяноведческой экспедиции не допускала простоев, хотя и была рассчитана не на дни и месяцы, а на годы.

По ее окончании, в 1994 году, стартовал Второй крестьяноведческий проект, где нам тоже удалось всласть, в течение трех лет, поработать. И, может быть, это странно, но до сих пор многие тогдашние шанинские добровольцы-полевики никак не могут пригасить зажженную Теодором «охоту к перемене мест» и наконец завершить свои исследовательские погружения в заметно скудеющие, но по-прежнему прекрасные сельские пространства. Деревня держит и не пускает...

* * *

28 февраля 2019 года (жить Теодору оставалось чуть меньше года) мы вместе с коллегами по Центру аграрных исследований РАНХиГС уговорились встретиться с Теодором, чтобы посоветоваться с ним о возможных перспективах наших крестьяноведческих штудий. Он позвал нас к себе домой, напоил чаем и стал внимательно слушать нас. А мы замыслили, спустя ни много ни мало целое поколение, повторить полевые процедуры и реализовать главные целевые установки Шанинской Крестьяноведческой экспедиции 1990 года. То есть снова исследовательски войти в те же, что были выбраны тогда, русские деревни и хутора. И погрузиться в подробности нынешнего повседневного существования сельчан. Затея с виду простая и понятная, но вместе с тем отчасти рискованная.

Ведь недаром поэт серьезно предупреждал — «никогда не возвращайся в прежние места». Он, вероятно, думал о пространстве своих утрат, но наш исследовательский азарт несколько другой. Он, как мы понимаем, ведет и направляет нас не столько к «старым стенам», к деревенским жизненным руинам, что, конечно, вполне возможно. Он прежде всего дает нам реальный шанс возврата к самим себе. Ведь это же мы сами, но тридцатью годами моложе, непосредственно были заняты в том Первом крестьяноведческом проекте. Тогда и началась наша многолетняя дружба с Теодором...

«Скажите, Теодор, что, по-Вашему, смогут увидеть в тех незабываемых деревенских пейзажах наши, уже достаточно опытные социологические глаза? Станет ли понятно, куда идет сельская Россия? И как нынешняя деревня управляется со своей судьбой? Удастся ли нам впитать из бытийного деревенского воздуха то совокупное, не разнесенное по статистическим и аналитическим отсекам, общее настроение, которое и есть сельский мир? Правильно ли мы поступаем?..»

Выслушав наши вопросы (при этом Теодор улыбался и понимающе кивал), он поднял обе руки и торжественным тоном сказал только одно слово: «Благословляю!»

Но самое важное произошло спустя несколько минут. Помолчав, Теодор сказал: «Коллеги, будьте осторожны. Вы уже не встретите то, прежнее, крестьянство. Крестьянство исторически выдохлось. Есть жители деревни, которых нужно кормить. А не так, как прежде, — крестьяне кормили страну. Они уже не тот «неудобный класс», о чем я писал в своей книжке. Они стали удобны как объект государственного патронирования и подачек. Но посмотрите, кто приходит им на смену? Думаю, это уже не крестьяне. Они, видимо, интересны и сильны другим. Чем именно? Что держит их рядом с землей? Что они знают? Что умеют? Каковы их привычки? Каковы их чудачества? Как они «нажимают» на землю — если это впрямь делают? Как они растят детей? О чем мечтают?..»

Этим и закончился тот февральский разговор.

Вот «таким манером» (его любимый речевой оборот) Теодор Шанин аналитически расширил свой общий тезис о «благословении» нашего замысла. И остался самим собой — знатоком, экспертом, социально-историческим мыслителем. По сути, его краткое ободряющее напутствие буквально на наших глазах конвертировалось в сжатую и интереснейшую исследовательскую программу. Как и 30 лет назад, тряхнув стариной, Теодор со вкусом и видимым удовольствием возобновил ту интеллектуально-организационную школу для социологов-полевиков, которую он ежеквартально, в течение трех с половиной лет, вел и неизменно называл «длинным столом».

Если нам повезет, то, несмотря на трудные времена, мы постараемся не растерять живую энергию того февральского благословения. И, пусть посмертно, вернуть Теодору хоть частичку его щедрых человеческих и профессиональных даров.

Со времени нашей первой встречи с Теодором, сменилось человеческое поколение, но тридцатилетней давности экспедиционно-аналитический импульс, посланный Теодором Шаниным, продолжает сохранять свою изначальную мощность и животворную энергетику. Так связываются времена. Так создаются традиции. Так хранятся люди и имена.

Александр Пушкин, празднуя очередную лицейскую годовщину, в своем «19 октября» вспомнил одного из любимых своих настав-

ников: «Куницыну дань сердца и вина! / Он создал нас, он воспитал наш пламень...»

Сказанное нашим поэтом я с благодарной памятью отношу к Теодору Шанину. Он создал и взрастил — и меня, и многих моих крестьяноведческих коллег.

«Рыцарь крестьяноведения»

Виктор Кондрашин

Теодор Шанин запомнился мне как бескорыстный и увлеченный своим делом исследователь и человек. Эти его качества стали очевидны для меня, когда он без особых уговоров согласился приехать в Пензу и выступить с докладом на конференции «Моя Малая Родина», которую я, как заведующий кафедрой истории России и краеведения Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского, вместе с моим другом В.Е. Малязёвым проводил в филиале кафедры, в школе села Степановка Бессоновского района Пензенской области.

Теодор Шанин очень ярко выступил перед собравшимися в актовом зале сельской школы краеведами, учителями, фольклористами, преподавателями пензенских вузов. Он говорил о крестьяноведении как науке, о своих взглядах на историю крестьянства России. И это стало откровением для аудитории, которая до начала доклада была в большинстве своем скептически настроена по отношению к иностранцу, англичанину, горожанину, приехавшему в сельскую глубинку рассказывать о ее истории и современных проблемах.

Всех поразил ответ Теодора Шанина на вопрос, больше всего волновавший присутствующих: что будет с крестьянской культурой, традициями, если умирает деревня и уходит в небытие последнее поколение — носитель этих традиций? «Все будет в порядке, — ответил Теодор Шанин, — если традиции, народная культура в конкретных ее воплощениях (в обрядах, песнях, ремеслах и т. д.) будут изучены и сохранены учеными, а затем внедрены в качестве обязательного образовательного компонента в школьной и университетской учебно-воспитательных программах. Если будут подготовлены учителя, владеющие богатейшим наследием традиционной народной культуры. А для этого следует продолжать изучать историю крестьянского хозяйства, крестьянской семьи, сельской общины профессиональными исследователями, краеведами, учителями, школьниками».

Докладчика аудитория не хотела отпускать, поскольку нашла в нем источник подлинных знаний, увидела настоящего ученого и очень доброго и хорошего человека. Он стал для нее сво-

им. Все забыли, что перед ними выдающийся ученый, иностранец, горожанин.

Второй и последний яркий эпизод из моих многолетних общений с Теодором относится к апрелю 2019 года, когда мне посчастливилось жить с ним в соседних комнатах в студенческом общежитии Афинского университета, организовавшего международную конференцию в Афинах, посвященную Русской революции 1917 года.

Профессор Манчестерского университета, кавалер ордена Британской империи ни слова не сказал о «спартанских условиях», в которых он, всемирно известный ученый, оказался. Наоборот, он шутил и просил меня будить его по утрам и сопровождать в лифте и по лестнице в подвал на весьма скудный «студенческий» завтрак. Мне казалось, что Теодор Шанин был счастлив, поскольку вспоминал дни своей творческой юности, неизбалованной комфортом. И вообще, ему нравилась организационная неразбериха, созвавших конференцию молодых левых и анархистов Афинского университета.

На самой конференции Теодор Шанин выступил, как всегда, блестяще. Его доклад о крестьянской революции стал украшением конференции. Его в очередной раз не хотели отпускать слушатели, окружали журналисты, участники конференции просили сфотографироваться и т. д.

В студенческом общежитии я был свидетелем интервью Теодора Шанина греческой журналистке и в очередной раз убедился в его прекрасных человеческих качествах. Без всякого снобизма, терпеливо, в течение двух часов он отвечал на многочисленные ее вопросы. Но и в этом, казалось бы, проходном и не важным для него «тысячном» интервью Теодор пытался больше говорить о науке, крестьяноведении, а не о своей легендарной личности... Таков был в жизни и останется в моей памяти, и я уверен в памяти многочисленных его коллег, учеников и друзей, этот подвижник и рыцарь крестьяноведения и социальных наук.

«Лектор не разочаровал»

Владимир Бабашкин

Осенью 1990 года я увидел Теодора Шанина в первый раз. Я тогда, как положено, повышал квалификацию в ИПК при МГУ. А квалификация была такая: доцент по кафедре научного коммунизма одного из старейших советских аграрных заочных вузов ВСХИЗО (ныне РГАЗУ). Обширная аудитория преподавателей истории партии и прочих обществоведов с интересом ожидала выступления английского профессора. Тогда об этом особо не говорили, но в воздухе чувствовалось: в идеологической борьбе двух мировых систем

мы на грани проигрыша. Любопытно было послушать представителя побеждающей стороны.

Лектор не разочаровал. Все, кто знал Теодора, понимают, что как лектор он и не мог разочаровать никого — ни единомышленников, ни несогласных. Другое дело, что кто-то из коллег наверняка предвидел, что скоро придется «переобуваться в прыжке» (многие стали поступать так менее чем через год), и, может быть, рассчитывал получить от англичанина четкие инструкции по этой новой «обуви». Ничего такого лектор не сказал. Зато он проговорил непривычные вещи, заставлявшие задуматься: Россия более традиционная страна, нежели принято считать в парадигмах советского вульгарного марксизма, она сохраняет многие сущностные вещи в социально-экономической организации общества из своего аграрно-крестьянского прошлого. Он считал, что именно об этом пытались поведать научному сообществу представители ОПН и их лидер А.В. Чаянов, и та жестокость, с какой поступили с ними, была связана с торжеством вульгарного марксизма как официальной советской идеологии.

Поведал он и о том, как в западном обществоведении были подхвачены эти идеи после появления английского перевода «Организации крестьянского хозяйства» Чаянова и как это помогает в осмыслении внутренней логики устройства и исторической эволюции стран, подобных России. Лично мне из той лекции запомнилось красочное описание того, как в старейших университетах Англии осуществлялась теоретическая подготовка людей, которым предстояло впоследствии занимать должности в администрации в той же Индии. Было ясное понимание: без более или менее адекватного знания об обычаях и традициях коренных жителей колоний, их представлениях о добре и зле, удерживать такие «драгоценные камни в короне» Британской империи нет никакой возможности.

Полгода спустя судьба свела меня с В.П. Даниловым. Прямо из ИПК меня отправили на должность старшего научного сотрудника для завершения работы над докторской диссертацией. Поскольку кандидатская у меня была, естественно, по «буржуазным фальсификаторам аграрной политики КПСС», то представлялось, что докторскую проще всего написать по западной историографии коллективизации в СССР. Я обратился за консультацией по простоте душевной прямо к главному авторитету — возглавлявшему отдел по аграрной истории советского общества Института истории. Помню, Виктор Петрович тогда очень доброжелательно выслушал мою декларацию о намерениях и на просьбу порекомендовать для начала две-три фамилии англоязычных авторов, с чьих текстов следовало бы начать работу, ответил так: «Нет ничего проще: начните с Моше Левина (США) и Теодора Шанина (Англия)». И дал кое-какую литературу, чтобы не откладывать начало работы. Спрашивается, как же «начинать», когда формулировка была «для завершения». Тогда мне такой трюк казался совершенно естественным. Позже, работая с Даниловым и Шаниным, я узнал, что

такие вещи в западных *Peasant Studies* называются «оружием слабых» и для посткрестьянских обществ вполне характерны.

Через несколько месяцев Данилов позвонил мне и сказал, что есть возможность познакомиться с Теодором лично. Разумеется, я прибежал в нужное время в условленное место, и мы пошли в гости к Шанину в его московскую квартиру. Мэтры беседовали о многих важных вещах, а я наслаждался тем, что могу присутствовать при разговоре таких больших авторитетов в той науке, которую уже тогда решил сделать своей профессией. Данилов, в частности, сообщил своему английскому другу, что снабдил меня привезенной из лекционной поездки по США книгой Дж. Скотта «*Moral Economy of the Peasant*». Теодор это не просто одобрил, он сказал, что хоть там впрямую и нет ни слова о коллективизации и почти ничего о России, но писать диссертацию на такую тему, не опираясь на содержание этой монографии, методологически ошибочно.

Я изготовил русскоязычный реферат «Моральной экономики», ознакомившись с которым Виктор Петрович обнаружил, насколько все это созвучно с его собственными размышлениями об общине. Его публикации и выступления на эту тему серьезно напрягали отношения с научным начальством. Теодор захотел сам посмотреть, что там у меня написалось, и я был страшно польщен, когда Данилов передал мне его вердикт: концептуальное содержание книги Скотта ухвачено вполне сносно. Но куда большую радость мне доставило то, как Теодор творчески развил идею Данилова ознакомить сотрудников отдела аграрной истории с машинописной копией реферата и обсудить на специальном заседании. Отталкиваясь от своих материальных возможностей, Шанин предложил отпечатать на ротопринте не менее 30 копий и раздать не только историкам-аграрникам, но и некоторым другим представителям российского (еще вчера — советского) обществоведения, а на процедуру обсуждения пригласить двух стенографисток. Так родился теоретический семинар «Современные концепции аграрного развития», участвуя в котором, я сохраняю еще много воспоминаний о работе творческого тандема Данилов–Шанин — удивительных специалистов и просто очень хороших людей. Но сегодня захотелось поделиться именно этими вот воспоминаниями.

«Тот самый Теодор!»

Оксана Горовенко

Галя готова была спуститься с вертолета, чтобы попасть в распутицу в одну из северных деревень, взяв с собой свою лучшую подругу Олю, которая и пригласила ее в свой вологодский край, узнав о возможности непосредственно исследовать родной Север.

Другая Оля — значительно более молодых лет — решилась оставить молодого мужа, чтобы не просто активировать свои исследовательские навыки и стремления, уже успевшие ее переместить на время в туманы Туманного Альбиона, но и обрести самостоятельные впечатления от сельских регионов вокруг родного Новосибирска и даже в некоторой степени — от поселений Алтая.

Уже не юный, но весьма достойный муж молодого семейства Валера по здравом размышлении стал периодически отлучаться из семьи в села и деревни близ Саратова, все более и более погружаясь в самобытность родного края своим пытливым умом и философа, и лингвиста одновременно, о чем к тому времени уже свидетельствовали обретенные научные степени. Это вовсе не помешало прибавлению к семье в тот период еще и маленького Северина к братику Сеньке, а молодая жена и вовсе стала сопровождать мужа-исследователя во всех близких и дальних его перемещениях, содействуя написанию отчетов, книг, иногда — отдельных статей. Участие в различного рода непосредственных наблюдениях за крестьянской средой стало проектом семейным.

Тоже из Саратова, а точнее — из города Энгельс — прибыл совершенно особого рода мыслитель Илья, человек слушающий и пытливый в своем зачастую молчаливом участии, но активный и деятельный гораздо ранее, чем что-то сказать или улыбнуться.

Из Петербурга скорым поездом перемещался для отчетов по проведенной работе в Москву Анатолий — человек академический, склонный, как оказалось, не только к педагогической деятельности, но и к исследовательским наблюдениям.

Если позволить в этом контексте сказать о себе, то я оказалась в компании исследователей-крестьяноведов благодаря приглашению сначала своего коллеги Михаила, который узнал о намечающемся проекте из научного издания ВАСХНИЛ, а уже потом, по приезде в Москву, была приглашена самим Теодором. Белорусов, как почти сразу с недоумением уточнили, не ждали, но — после состоятельной, хотя и довольно краткой беседы решили оставить. Решение принимал, конечно, сам Теодор! Все произошло быстро, весьма доброжелательно и с неотразимой улыбкой! Это уже тогда был «тот самый Теодор!». Он предлагал, увлекал, мотивировал, способствовал, перемещал в пространстве и времени, и слушал, слушал, слушал! Это было невероятное слушание, что, смею предположить, и продлило наше двухгодичное исследование на целых восемь лет, а меня лично неким весьма логичным — слушающим же образом — привело к замужеству, да... с Михаилом. Проект объединил всерьез и надолго!

Не случайно к нам в исследование то и дело добавлялись люди. Кого-то приглашал, конечно, сам Теодор. Так появились в проекте американцы — Алекс и Синди — молодые люди, согласившиеся самостоятельно проникать в сельские регионы страны им ранее неведомой. Их опыт и участие изменили наши взгляды и обогатили, надо думать, их самих.

На каком-то срединном этапе проекта появилась Татьяна — женщина, неуловимо напоминавшая своим обликом, овалом лица и улыбкой самого Теодора, хотя и приехала она из далекой Тувинской Республики — автономии, до которой, скорее всего, доходили не все центральные журналы. Но было телевидение, по которому в одной из программ она увидела Теодора Шанина и услышала его призыв. Теодор, конечно, не мог не откликнуться на такой порыв — именно порывов, внутреннего стремления он и ждал от людей. Вот эта активная жизненная позиция, эта сила, которая преображает и сильных и слабых, этот улыбчивый задор — разве не сам ли это и был наш Теодор!

А еще у проекта были друзья, которые помогали своими профессиональными знаниями из других областей. Таким был и остался в нашей памяти Виктор Петрович Данилов — образованный и интеллигентный человек, умный и тонкий, строгий и доброжелательный, вдумчивый и улыбчивый, сосредоточенный, но готовый откликнуться на конкретную просьбу. Он знал не только историю, но этнографию, культуру, литературу, превосходно читал стихи. Виктор Петрович успел сделать многое и для проекта, и для нас, и, смею думать, для активной поддержки Теодора, неугасимости его улыбки.

Можно было бы еще многих вспомнить — нас было действительно много. В какой-то момент среди нас появился Александр, обнаруживший не только исследовательский, но и административный талант. Именно Александр если не «дитя проекта», то юноша, выросший в достойного соратника и продолжателя Теодора.

Упомяну, что сочетание «дитя проекта» некогда употребил сам Теодор, с удовольствием пожав руку моему маленькому сыну в Переделкино, куда мы отправились по приглашению... на банкет! Теодор соскучился, ему очень захотелось увидеть нас вновь уже после окончания проекта, с начала которого прошло на тот момент двенадцать лет. Так принято в Великобритании — дюжина! И вот именно спустя эту дюжину лет Теодор решает собрать нас вновь, причем предусмотрительно и великодушно компенсирует нам расходы на приезд. А какое удивительно официально-неформально-личное было приглашение! Это же надо было просто видеть этот строгий по всем параметрам официальных бумаг выверенный по расположению текст на белом официальном же бланке Московской Школы, с соблюдением всех церемоний уважительного обращения в письме — личном письме на мое имя и на имя мужа в отдельном не менее уважительном послании! — содержалось указание дат, сроков, точного адреса, регламента и порядка проведения встречи и цели!

Конечно, что и говорить, та встреча прошла совершенно замечательно. Был, безусловно, и сам банкет, но главное — это все же сама Встреча! Я тогда решила взять с собой сына, еще дошкольного

возраста. Этот момент не столь традиционен, как может показаться на первый взгляд, поэтому позволю себе некоторые подробности. Дело в том, что ожидание сына и потом его рождение я некоторым образом пыталась скрыть, опасаясь исключения меня из проекта по этому поводу. Даже когда само появление на свет сына совпало с необходимостью ехать в Москву с отчетом, я решилась покинуть роддом на сутки, договорившись буквально со всеми, кто был причастен, чтобы проявили на сутки заботу и внимание к моему ребенку и — поехала! При этом даже на заседании нашего «длинного стола» — именно так проходили беседы участников проекта Теодора — я смогла быть предельно внимательной и активной, ибо, собственно говоря, и не отвлекалась от исследования. Замечу, хотя это признание может показаться и вовсе странным, но некоторые записи я даже захватила с собой в роддом, тем более что скорую тогда пришлось вызывать около часа ночи, закрыв компьютер и сложив бумаги... Вот так, в полной готовности к отчету о проведенной работе и взаимодействию с коллегами, я вновь и оказалась в Переделкино, где на этот раз добавилось то, что периодически надо было сцеживать молоко...

Однако на этот раз меня-таки вычислили!.. Именно Оля, которая с задушевной своей подругой Галей исследовала Север с применением летательных аппаратов, осмелилась все же озвучить мне свои подозрения, ибо имела уже довольно взрослых дочерей и по-матерински была склонна к заботе и участию во всем происходящем. Не удержалась Оля от вопроса — не смогла далее скрывать и я. Дошло чуть ли не до слез, а потом — потом был ночной банкет! Оля не могла до утра удерживать в себе такую новость — просто не могла ждать. К полуночи в нашем номере в Переделкино был организован совершенно замечательный стол, а если еще представить на нем фрукты, самолетом доставленные из солнечной Армении, — то и роскошный! Ребята из Армении действительно на некоторое время подключались к проекту с исследованием сельских регионов своей страны по нашей, выработанной совместными с Теодором усилиями методике. Все пришли поздравлять! Было впечатление, что у нас всех родился ребенок! Дитя проекта! Именно так уже наутро того майского дня и сказал мне Теодор, которого просто не решились будить, но с рассветом, конечно же, сообщили.

Именно с такими словами Теодор, улыбаясь, и пожал руку моему сыну спустя годы!

Если интересно, спросил ли меня тогда в мае Теодор, почему я предпочла скрывать такое событие от него, то могу признаться — не спросил. Он тогда спросил другое: «Оксана, а что я могу сделать для вас? Скажите! Что бы вы хотели? Может быть, я смогу чем-то помочь?» Такого вопроса я точно не ожидала, но смогла сказать главное: «Я хочу с Вами работать! Не исключайте меня!» Думаю, что тут уж удивился Теодор и, чуть наклонив го-

лову в недоумении, переспросил: «И все?.. Мы, конечно, продолжим работу». А потом вновь улыбнулся, наблюдая мою совершенно искреннюю радость и посоветовал все же подумать и сказать, что все же мне нужно, если не ему — то Оле, с которой личное взаимодействие укреплялось все большим признанием друга друга даже и при непродолжительном общении в течение наших общих встреч.

Так у меня появилась возможность получить вперед положенную мне зарплату, что, если подумать, было более чем необходимо в то время, когда нам самостоятельно пришлось проводить в наш деревенский дом электричество, покупая даже столбы и огромное количество кабеля. В то время казалось, что жизнь без света, воды и газа в доме — это вполне возможно. Были же дрова, были колодцы, а свет был необходим, чтобы печатать на компьютере путем соединения проводов от розетки крайнего дома в старом поселении деревни. Собаки, правда, иногда мешали — экран мигал, но можно же было сохранять информацию известным кликом на клавиатуре. Вот это и выручало. А еще валенки и телогрейки — чем не крестьяноведы? Вполне реальные исследователи — полевые! Жилось-то все равно интересно, вот только долго-то так продолжаться не могло, тем более — с ребенком.

Все эти удивительные подробности не вполне понял даже и Теодор — в чем сразу же и признался, что как-то ему это в настоящее время непонятно, все же двадцатый век, но — помощь оказал! Фактически — он дал нам Свет!

Были, конечно, и еще ситуации, когда содействие было необходимо, и Теодор не оставался в стороне. Особенно — если это касалось важного и значимого, как, например, срочного лечения, которое мне потребовалось после международного дебюта-представления результатов нашего проекта в Германии. Помощь от Теодора тогда тоже пришла своевременно. Он был не просто взволнован — он был на деле участлив ко мне. Вспоминаю об этом не просто в дань памяти, но и потому, что никогда не забывала добро, которым для меня неизменно сопровождалось величие этого человека, великодушного и по-прежнему занимающего важное место в моей душе! Человеческая близость была неким образом предопределенной самой глубиной нашего сложившегося за годы взаимодействия. Иногда, особенно после долго державшихся тревог, связанных, как я просто чувствовала, именно с этим человеком, я решалась потревожить Теодора звонком по телефону. Удивительным образом оказывалось, что тревоги мои неслучайны — причины были, в чем от неожиданности, видимо, признавался и сам Теодор, но благодарил за беспокойство и такое незримое присутствие в размышлениях. Редко, но в тяжелые моменты жизни мы как-то находили друг друга.

Хотя одухотворяющих, вполне радостных моментов и даже времен было значительно больше! Таковыми, если подумать,

были наши встречи за «длинным столом», наш неожиданный выезд в Германию на международный форум, наше проживание в пригородах Москвы, большие и малые совместные застолья, начиная от щедрого угощения в ресторане после первого этапа посещения деревень и сел. Хотя выглядело это в те 90-е годы именно по-царски, но каждый из нас — это особенно запомнилось и со смехом потом еще и не раз трактовалось — даже и в обход светских приличий постарался тогда что-то взять с собой со стола, чтобы незаметно принести это Теодору! Он-то сам с нами не обедал — подумалось тогда из нас каждому — надо же человека хорошей едой угостить! Наш «длинный стол» тогда мы осторожно, но наполнили принесенными трофеями из ресторана! Для Теодора старались!

И что теперь удивляться, что наши Галя с Олей вертолет искали, чтобы выполнить посещение удаленного северного села именно в обозначенное для всех коллег на это время? Так ведь у каждого были преодоления — как в те годы-то без них? А тут еще сама по себе распутица, ухабистые дороги и в рытвины сходящий талый снег, довольно тяжелое снаряжение, которое приходится многократно таскать на себе, а тут еще не просто домашние животные — лесные звери могут быть, исследование-то полевое, повсеместное! Так, однажды довелось долго идти по проселочной дороге, уже сойдя с трассы рейсового автобуса, встречать поодаль скачущих через поля лис с пышными рыжими и черно-рыжими хвостами, замечать еще кого-то у кромки леса вдали, а потом, уже дойдя до деревни узнать, что оказывается, это же пора «волчьих свадеб»!

Таковым же, смею думать и считать, осталось и наше человеческое соседство, имея в виду всех наших коллег — участников проекта Теодора. Если рассудить — исследование-то продолжается! Многие наши коллеги продолжают ездить в деревни, исследуют все новые и новые села и целые регионы, находя для этого уже свои ресурсы и возможности. Легкая оказалась рука у нашего Теодора! Дело-то идет! И встречи по-прежнему случаются! Два года назад почти вдруг — но оказалась и я участницей одной из таких встреч в Москве в теперь уже всем известной «Шанинке»! Замечательным образом обнялись мы с Теодором, улыбнулись, вспомнили! Полет продолжается, я же знаю это, Теодор! Во многом благодаря вам и знаю! И не просто знаю — говорю об этом своим студентам, рассказываю, передаю подробности, в том числе — подробности вашего управления полетами в качестве командира воздушного корабля! Их, надо сказать, многое впечатляет, как, надеюсь, передается уверенность в выбранной траектории моя личная впечатленность вами, товарищ командир и учитель Теодор! Наш полет с вами был нормальный! И потому нормально, что он — не забывается! Он — продолжается!

«Теодор Шанин и сельские экспедиции 1990–1995 годов»

Илья Штейнберг

Память о человеке, как и событиях, всегда избирательна. Ключами к памяти чаще всего выступают яркая эмоция, запоминающаяся фраза, необычный поступок. И, конечно, его материальное и нематериальное наследие — книги, идеи, то, что он создал. Теодор Шанин в этом смысле оставил нам богатое наследство. И часть этого наследства — афористичные фразы, которые давно уже стали его визитной карточкой. «Иное всегда дано», «Невозможного нет, есть только трудное» — вот те немногие примеры, которые уже давно стали мемами у его многочисленных учеников.

Однако это не просто афоризмы — это были принципы, которые Теодор Шанин использовал как инструменты, как методические подходы в решении своих задач. Два примера. Первый — ставший уже легендой крестьяноведческий междисциплинарный проект, где исследователи в течение трех лет находились в российских селах, а потом в течение пяти занимались анализом собранных данных, писали статьи и монографии, участвовали в конференциях. Такая долговременная экспедиция сегодня оказывается несбыточной мечтой для большинства исследователей, но это один из лучших способов создать научную школу.

«Мужество пользоваться своими мозгами». Моя первая встреча с Теодором вызвала гамму разнообразных и противоречивых чувств, где ведущим было изумление и растерянность. Это был самый свободный человек, которого я встречал до этого в своей жизни, он обладал кантианской «автономностью мышления», «мужеством пользоваться своими мозгами». Я прежде никогда не чувствовал себя свободным в этом смысле, в лучшем случае мог ощутить себя «временно расконвоированным», потому что всегда, когда делал шаг в сторону, находился кто-то, кто пытался загнать меня обратно в строй «призраком кнута и иллюзией пряника».

Вот обстоятельства этой первой встречи с Шаниным. 1989 год, подмосковный дом отдыха «Березки». Теодор рассказывает нам, приглашенным из разных исследовательских институтов и вузов, о замысле крестьяноведческого проекта. Говорит о возрождении школы ученых- аграрников Чаянова, упоминает неизвестные мне имена основателей организационно-производственной школы Н.П. Макарова, С.Л. Маслова, А.Н. Челинцева, рассказывает о динамических исследованиях, о земской статистике, об этнографическом вживании в сельскую среду (стать почти незаметным, «как муха на стене», что в каждом селе прожить полный крестьянский цикл с апреля по апрель и т. п.).

Мы молча слушали. Вдруг Теодор останавливается и задает вопрос: «Коллеги, я не пойму, что происходит. Почему вы не спрашиваете меня, зачем мы это будем делать?» Мы пожимаем плечами и отвечаем, что нам понятно, зачем: под вашим руководством проведем это большое и важное исследование, напишем научно-практические рекомендации для повышения производительности труда в сельском хозяйстве, улучшения сельского образа жизни и проч. «Кому рекомендации?» — тихо спрашивает Теодор. Как кому? Понятно — Министерству сельского хозяйства, Госплану, отделу ЦК партии, правительству. «То есть для чиновников?» — уточняет Теодор. Почему-то тогда товарищи из этих институций не ассоциировались со словом «чиновник», и мы недоуменно переглядываемся, чего хочет от нас этот бритый наголо англичанин. «Нет, коллеги, — говорит он, — мы это делаем, чтобы найти истину. Понять, как это все устроено, как работает».

Это было для меня откровением, потому что всегда моей целью были рекомендации для «подъема народного хозяйства», а задачами — изучение «социально-экономических проблем». А тут получалось все наоборот. Цель — истина, а рекомендации — одна из задач, причем не главная. Потребовалось долгих два года работы с Теодором, чтобы у меня стали пробиваться ростки этой свободы. Я стал замечать, что «иллюзия пряника и призрак кнута» больше не действует на меня, как раньше, и начал совершать такие поступки, что сам не верил, что это делаю я, наверно, стал более свободным внутри, но главное, это стало мне нравиться.

«Шанин — руководитель исследовательского проекта». Каким был Теодор как руководитель проекта? Здесь он тоже отличался от всех, кого я видел раньше. У меня были начальники, которые главным считали успех дела и не щадили во имя этого ни своих подчиненных, ни себя. Были, для кого главным был успех себя в этом деле. Для этого они не щадили ни нас, ни само дело. Теодор же делал так, что мне казалось, что его больше всего заботит успех нас самих. Конечно, успех дела был важен, так же как и авторитет Теодора, но все это казалось средствами, чтобы вывести нас на более высокую орбиту. Наверно, такое ощущение возникало из свойственной ему манеры общения, которую он называл почему-то «британской вежливостью», а саму эту вежливость считал методом исследования. Эта его вежливость была особого рода — она была продолжением, внешним проявлением внутреннего чувства достоинства этого человека.

На прощании с Теодором его сравнивали с «кораблем», этаким «ледоколом», в кильватере которого «мы шли, не ведая преград». Это не совсем так. Когда я всерьез занялся применением метода «длинного стола» в наших исследованиях, написал целый параграф в монографии, идя как раз «в кильватере» его подходов и идей, он стал вежливо меня отправлять «пробивать лед» своим путем. Я делился с ним своими находками, приглашал на свои «длинные сто-

лы», которые проводил в Шанинке и на «кухтеринских курсах» в ИС РАН (сейчас НОЦ) и получал поддержку почти всем моим «отходам от проложенного им курса». Даже когда я слишком удалялся в область упражнений и тренингов по развитию неспецифических навыков полевого исследователя, Теодор поддерживал меня, говоря, как это важно и как этого не хватало в наших прежних «длинных столах». А когда я однажды амбициозно заявил, что моя мечта сделать из «длинных столов» что-то аналогичное системе Станиславского, но для полевых исследователей, он очень воодушевился и потом часто спрашивал о прогрессе этой затеи.

Когда цели человека больше его самого. Вот в этом, мне кажется, его наиболее сильная сторона как человека и как ученого. Люди, у которых их цели намного больше их самих, необыкновенно притягательны. Сужу по одному случаю. Однажды он спросил, что я думаю по поводу своего участия в сельских проектах после пяти лет «поля». Я ответил, что многому научился, понял и прочее. Он заулыбался, сказал «прекрасно». На этом тема была бы исчерпана, если бы я не добавил, что у меня, кроме этого позитива, осталось чувство, которое, наверно, переживают космонавты, которые готовились к полету, но так и не полетели. Улыбка исчезла с его лица. Я увидел совсем другого Теодора, так выглядят люди перед лицом реальной угрозы. Он весь напрягся, превратился в слух и, не отрываясь, смотрел мне в глаза. Было видно, что я задел больную тему.

Дело в том, что где-то в середине наших сельских экспедиций на одном из «длинных столов» Теодор сообщил, что есть договоренность с президентом ВАСХНИЛ А.А. Никоновым о создании в его системе Института им. А. Чаянова с целью возрождения и развития славных традиций русской школы ученых-аграрников, а мы станем кадровым ядром этой институции. Идеи Никонова были очень созвучны замыслам нашего проекта начала 1990-х. Помню произведшую на меня глубокое впечатление его статью в газете «Крестьянская Россия» «Нельзя построить государство на обнищании граждан» (название взято из работы «Книга о скудности и богатстве» первого отечественного ученого-экономиста Ивана Посошкова). В ней был продемонстрирован трезвый взгляд на происходящее, опирающийся на работы исследователей аграрного вопроса в России XVII–XX веков, что было отличительной особенностью и нашего проекта. Однако после трагической гибели А. Никонова в 1995 году эта тема больше не обсуждалась. Второй попыткой «выхода в космос» была идея Всероссийского мониторинга аграрных реформ по методикам, которые мы разработали с опорой на традиции земской статистики. Этой идеей заинтересовался Егор Строев, на тот момент Председатель Совета Федерации РФ. Мы даже стали готовить предложения, но вдруг Строев попал в опалу и был назначен губернатором Орловской области. «Старт отменили».

Помню, он мне задал всего один вопрос: «Ты действительно считаешь себя «космонавтом, который не полетел»?» Я ответил,

что нет, потому что неудачные старты неизбежны, главное, что мы можем и хотим продолжать и продолжаем. Он ничего не ответил, только коротко кивнул, и разговор вернулся к теме текущего проекта.

«Длинный стол» как метод работы с неопределенностью. Говоря о сельских проектах Теодора, невозможно обойти вниманием его подход к формированию рабочей группы и оригинальный способ подготовки исследователя в процессе самого исследования, который впоследствии сформировался в «метод длинного стола». Мне кажется, что «длинный стол» появился спонтанно, под влиянием сложившихся обстоятельств. Во-первых, работа уже стартовала, но исследователей, которые бы могли решать поставленные задачи, имевшие междисциплинарный характер, не было. За один «стол» в 1990 году для обсуждения целей и задач проекта сели одновременно около 20 человек. Это были экономисты, социологи, психолог, географ, историки, филолог, все с различным опытом полевой работы и слабым представлением об этнографических методах, где в центре стоит «вживание» исследователя в поле, не у всех были навыки работы с бюджетами семьи, бюджетами времени, представления о методах наблюдения, биографического интервью и прочее. Нужно было не только ликвидировать дефицит навыков использования методов различных дисциплин, но и преодолеть пробелы в знаниях мирового опыта в исследованиях социально-экономических проблем села и конкретно основ крестьяноведения.

Но наша недостаточная подготовка как исследователей не была единственной причиной появления «длинного стола». Главной, на мой взгляд, оказалась политическая и социально-экономическая ситуация — начало социальной аномии «лихих 90-х». Мы, по его выражению, «начали экспедиции в СССР, а закончили в Российской Федерации». В ситуации галопирующей инфляции, дефицита всего необходимого для нормальной жизни, начала имущественного расслоения населения, перехода в частную собственность земли и имущества колхозов и совхозов, беспомощности закона, проникновения в обычное право криминальных понятий и т.п., динамические исследования и другие инструменты, предлагаемые Теодором Шанином в начале проекта, не могли быть применены. Нужно было переходить «на ручной режим», действовать по обстановке, проявлять максимальную самостоятельность и гибкость в подходах на местах и создавать новый инструментарий исследования, который был бы адекватен не просто «текучей реальности» Зигмунда Баумана, а бурному яростному потоку, который «прорывает плотину». В нашем случае плотина называлась «застоем», а поток — «перестройкой». Этот мутный поток ослаблял социальные связи между родственниками и друзьями, размывал прежние ценности, нормы и традиции. Мы увидели жизнь, где процессы текли с огромной разницей в скорости в разных слоях населения, а сельская мо-

бильность в города превысила все, что мы могли себе представить. Мы стали свидетелями стремительного появления новых богатых и новых бедных, где их прежний статус, возраст, опыт, образование не имели решающего значения. В этом невероятном «поле» мы столкнулись с полной неопределенностью, причем не только будущего, но также настоящего и даже прошлого.

Думаю, что все эти обстоятельства определили формат наших встреч рабочих групп за «длинным столом». Как правило, они состояли из трех частей: 1) мини-лекция от Теодора по методологическим вопросам исследования или сообщения коллег по специфическим вопросам теоретического или методического характера; 2) отчеты рабочих групп проекта по локациям; 3) «профсоюзное собрание», где обсуждались технические, организационные и бытовые вопросы организации экспедиции. После «длинных столов» Шанин проводил индивидуальные беседы с каждым участником проекта по «личным вопросам».

Сегодня у меня есть все основания полагать, что главное, чему нас научил «длинный стол» Теодора Шанина, — это работы с неопределенностью. Можно было наблюдать, как от встречи к встрече за «длинным столом», росла не только квалификация участников как исследователей, но главное, изменялся способ мышления, потому что мы учились исследовать неопределенность, принимать ее как отправную точку исследования, главным образом за счет сдвига собственного способа мышления от укорененной в сознании привычки рассматривать жизнь как линейный процесс, как цепочку причинно-следственных связей, игнорируя циклические взаимосвязи глубоких системных отношений. У Теодора Шанина это выражалось в последовательном отстаивании двух основных принципов работы «длинного стола» в формировании «нелинейного способа мышления»: «Ни у кого нет монополии на истину» и «Иное всегда дано», означающих цикличный характер освоения навыков получения научного знания, т. е. возврата к полученному в исследовании знанию на новом уровне, постоянный поиск альтернативных способов решения задач. Я думаю, что такой подход дает возможность находить неожиданные ответы на вопросы, которые выглядят на первый взгляд риторическими, что и делало любое общение с Теодором интеллектуальным приключением.

In memory of Teodor Shanin

Vladimir V. Babashkin, DSc (History), Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 115571, Moscow, Prosp.Vernadskogo, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru.

Valery G. Vinogradsky, DSc (Philosophy), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: vgrape47@yandex.ru.

Viktor V. Kondrashin, DSc (History), Professor, Head of the Center for Economic History, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 117292, Moscow, D. Ul'yanova St., 19. E-mail: vikont37@yandex.ru

Oksana V. Gorovenko (Ryzhankova), PhD (Economics), Associate Professor, Department of International Business, Belarus State Economic University. Partizansky Prosp., 26, Minsk, 220070, Belarus. E-mail: gorovenko@inbox.ru

Olga P. Fadeeva, PhD (Sociology), Senior Researcher, Institute of Economics and Organization of Industrial Production, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 630090, Novosibirsk, Prosp. Lavrentieva, 17. E-mail: Fadeeva_ol@mail.ru

Ilya E. Shteinberg, PhD (Philosophy), Associate Professor, Moscow State University of Psychology and Education. Sretenka St., 29, Moscow, 127051, Russia. E-mail: ilya.shteynberg@gmail.com

These texts are a tribute of the representatives of peasant studies to their dear teacher and colleague Teodor Shanin (29.10.1930 — 04.02.2020), an outstanding British sociologist, one of the founders of the global and Russian interdisciplinary studies of rural life (peasant studies), Professor Emeritus of the University of Manchester, founder and President of the Moscow School of Social and Economic Sciences, Honorary Editor of the journal *Russian Peasant Studies*. The texts present the personal memories of sociologists and historians O. Fadeeva, V. Vinogradsky, V. Kondrashin, V. Babashkin, O. Gorovenko and I. Shteinberg about their communication and work with Teodor Shanin. The memories focus primarily on the development of the first Shanin's sociological project 'Social Structure of the Soviet (Post-Soviet) Village' (1990-1994) and describe features of the research methodology, field work, realized and not realized research plans of Shanin and his colleagues. The authors emphasize the intellectual and personal significance of Shanin's legacy for understanding the further research tasks of contemporary peasant studies, and honor Shanin not only as a talented organizer of scientific projects and methodologist-theoretician of social sciences, but also as a remarkable field researcher and excellent lecturer-teacher. All authors admire the personal virtues of Shanin — his curiosity, keenness of observation, empathy, and the will for both intellectual comprehension and humanistic transformation of society.

Keywords: Teodor Shanin, peasant studies, historical sociology, economic sociology, anthropology, field research, qualitative methods, rural Russia.